

Ирина Тартаковская

Повседневность, борьба и ЖЭК-арт

Рецензия на монографию Александрины Ваньке «Жизнь городских рабочих в постсоветской России: вовлекаясь в ежедневную борьбу» (Vanke A. *The urban life of workers in post-soviet Russia: engaging in everyday struggle*. Manchester: Manchester university press, 2024)

Ирина Наумовна Тартаковская, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0001-9085-5712

Электронная почта: I_Tartakovskaya@mail.ru

Для цитирования: Тартаковская, И. Н. Повседневность, борьба и ЖЭК-АРТ. Рецензия на монографию Александрины Ваньке «Жизнь городских рабочих в повседневной России: Вовлекаясь в ежедневную борьбу» // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 131–139

Прежде всего, хочется отметить, что такой книги давно не было. В России достаточно редко выходят работы, посвященные трудовым отношениям, личным стратегиям или повседневной жизни рабочих (впрочем, и эта опубликована не в России). Перед нами очень тщательно выполненное, неторопливое, глубоко продуманное исследование, занявшее у автора несколько лет жизни, проведенное в нескольких локациях, одновременно плотно связанное с современной научной дискуссией и очень личное. Автор глубоко погружена в свое поле, но не навязывает позицию, скорее, всё время со-присутствует своим информантам, и этот эффект хорошо передаётся не только подробными описаниями, но и иллюстрациями — снимками, схематическими картинками, позволяющими лучше представить себе идеи и их объяснения, эскизами рабочих

131

районов. Вообще, сами эти «районы, кварталы, жилые массивы» являются полноценными героями научного повествования наряду со своими обитателями — монография вполне может быть отнесена и к сфере критической урбанистики.

Тем не менее, лично мне показалась все же наиболее интересной теоретическая часть исследования, которая определила его своеобразную оптику. Автор рассматривает повседневную жизнь рабочих не просто как форму социального существования в текущем экономико-политическом порядке, который определяется как неолиберальный, но и как упорное, разнообразное, скрытое (а иногда и не очень) сопротивление этому порядку. Жизнь рабочих описывается не как претерпевание, но как борьба, и этот подход представляется мне потенциально достаточно перспективным, поскольку позволяет расширить и переосмыслить само понятие «борьбы» применительно к условиям, когда возможности для прямого политического действия чрезвычайно ограничены.

Александрина Ваньке, правда, показывает, что и в этой ситуации мы можем видеть свидетельства борьбы, осуществляемой в привычных нам формах — профсоюзной активности, протестов, массовых выступлениях, но такие эпизоды относительно немногочисленны и фрагментарны и вряд ли кажутся большинству рабочих в настоящий момент перспективными. И она предлагает более пристально присмотреться к повседневным практикам обитателей рабочих районов, опираясь на концептуальный аппарат культурного материализма, в частности, на идеи ключевого теоретика этого направления Реймонда Уильямса. Опираясь на предложенный им концепт «структуры чувства» (*structure of feeling*), она, по сути, предлагает переопределить и существенно расширить традиционное понимание «борьбы» как противостояния и сопротивления неблагоприятным обстоятельствам.

Этот подход кажется продуктивным, и автор раскрывает его возможности применительно к своим задачам, но одновременно и открывает пространство для дискуссии. С моей точки зрения, его уязвимость заключается в том, что он вмещает в себя слишком много разнообразных смыслов: и осмысленное чувство (*sense*), и воображение (*imagination*), и практические действия, осуществляемые в определенном

пространстве и времени. В этой перспективе, с одной стороны, скрыто много возможностей, с другой, не всегда описание действий как наполненных осмысленными чувствами определенного рода кажется достаточно убедительным.

Один из главных тезисов монографии состоит в том, что борьба и сопротивление обитателей рабочих районов неолиберальному порядку состоит в основном в том, что они не сдаются, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, а именно бедности, отсутствию внятных жизненных перспектив, периферийности своей среды обитания, а стремятся кооперироваться, украшать свои дворы незамысловатым, но симпатичным «ЖЭК-артом», заниматься творчеством. Автор настаивает на том, что все это «обуючивание» представляет собой именно форму борьбы, позволяющую героям исследования сохранять человеческое достоинство и сопротивляться социальной деградации, и здесь она вступает в полемику с некоторыми публичными спикерами, которые описывают современный рабочий класс как косную и примитивную среду, людей, смирившихся со своей участью, политически и граждански пассивных. Такого рода описания, конечно, не делают чести писателям, но вряд ли причиняют особые страдания самим рабочим — скорее всего, они для них просто нерелевантны. Однако для Александрины Ваньке это пренебрежительное отношение к рабочим значимо, и она как будто все время стремится опровергнуть позицию, делающую возможной такую риторику.

Таким образом, монография в каком-то смысле полемически заряжена, что само по себе совершенно нормально для научной дискуссии, но иногда эта установка задает не совсем очевидные ракурсы анализа. Так, автор всячески подчеркивает, что своими повседневными усилиями по поддержанию и улучшению своей среды обитания рабочие сопротивляются как бы приписываемой им и чуть ли не предписанной для них деградации. Каждым поведенческим жестом: ухаживая за клубами во дворе, посещая районные выставки народного творчества, оказывая знакомым недорогие сервисные услуги, и т. п., — они не просто украшают свою жизнь и делают ее более содержательной, но защищают свое достоинство, на которое как будто все время покушаются некие внешние

недоброжелательные силы. Такой подход, как мне кажется, все-таки грешит избыточной драматизацией — либо нуждается в дальнейшей проработке и теоретическом развитии. Мне кажется, здесь бы пришелся кстати пласт научной литературы, посвященной проблемам моральной экономики (см. напр: [Sayer, 2025; Skeggs, 1997; Lamont, 2000]), который позволил бы развернуть анализ в сторону морального самоощущения самих рабочих: насколько они ощущают свой социальную проблематичность или даже неполноценность своего статуса, или эта оценка привносится все же взглядом извне? В книге эта тема не вполне раскрыта, и, возможно, может служить отправной точкой следующего исследования.

Еще один аспект книги, показавшийся мне интересным, связан с изучением рабочих районов как соседских сообществ. ‘Neighborhood studies’ — почтенное и хорошо развитое направление в современной урбанистике, но А. Ваньке привносит в него новые, интересные аспекты. Ее подход холистический: находящиеся в фокусе ее внимания городские районы рассматриваются и с исторической, и с логистической, и с социально-экономической точек зрения, но самое главное — она вписывает их в «структуру чувства», превращая тем самым не только в арену жизни их обитателей, но и в часть ткани их самосознания, важный элемент идентичности. Информанты рисуют для нее схемы района так, как они его осмысливают, выделяя значимые элементы не в топологической, но в антропологической, эмоциональной логике, и это позволяет увидеть, как через слой постиндустриальной реальности проступают знакомые черты рабочего района — заводские трубы, железная дорога, парк около.

Однако возникает вопрос: насколько жители довольно крупного (в обоих случаях) района представляют собой реальное сообщество? Чувствуют ли они реальную солидарность между собой, разделяют ли «структуру чувства»? Из исследования известно, что, в отличие от более однородного населения советских времен, в настоящее время в обоих районах (но особенно в Москве) живут очень разные люди: здесь и пожилые заводчане, и их потомки, унаследовавшие более-менее рабочие или сервисные специальности, и молодые пары среднего класса, купившие там жилье по доступной им цене,

и мигранты. В исследовании представителям всех этих групп уделяется внимание, слышны голоса информантов разного возраста и социального положения, и, хотя никто из них не высказывал явной неприязни по отношению к своим соседям, не складывается ощущения, что их можно рассматривать как единое целое, даже сложное и разнообразное по своей структуре. Ядро заводского населения неизбежно размывается со временем, и пространство наполняется новыми смыслами.

Это хорошо заметно по очень интересному фрагменту книги, где рассматривается так называемый «ЖЭК-арт» как способ украшения и присвоения общественных пространств. Автор рассматривает эти практики тоже как своего рода сопротивление унифицирующей урбанистической политике, создающей однородные и формальные декоративные решения скверов и придомовых территорий. В каком-то смысле с этим можно согласиться: предпринимаемый жильцами «ре-дизайн» окружающего пространства есть способ не только его «обучивания», но и приспособления под собственные эстетические представления в пику навязанным извне. Однако некоторые информанты высказывались об этих творческих усилиях с явным скепсисом, им такие украшения (всем известные клумбочки в крашеных покрышках, игрушки на газонах и т. п.) казались нелепыми и чужеродными. Интересно было бы понять, насколько эти практики «хабитуализации» связаны с тем, что это именно постиндустриальные районы, с сильным советским наследием? Что в поведении героев исследования специфически «рабочего»?

И здесь встает важный концептуальный вопрос о габитусе жителя постиндустриализированного городского района: насколько он вообще может задаваться не классом, не гендером, а местом жительства? Есть ли общие эмоции и представления у соседей с разным социальным и профессиональным бэкграундом, принадлежащих к разным поколениям? Автор как будто отвечает на этот вопрос положительно, но этот ответ нуждается в дальнейшей аргументации.

И гораздо более серьёзным, чем «ЖЭК-арт», свидетельством этих противоречий служит участие жителей московского района в масштабном националистическом выступлении, направленном против мигрантов, в общем-то

тоже в большинстве своем жителей того же самого района, т. е. своих соседей. Автор справедливо рассматривает эту акцию как, скорее, протестную против общих социальных обстоятельств, хотя и националистически окрашенную, но это в любом случае говорит о более сложной «структуре чувств» и идентичностей, чем та, которая складывается на базе интервью об отношении к району и наблюдений за его повседневной жизнью.

Таким образом, создается впечатление, что коммуналность жителей исследованных районов может быть несколько преувеличена, как будто бы их не касается характерная для современных жителей больших городов атомизация. Выделение социальных связей продуктивно для анализа, но важно не потерять, глядя через эту призму, не кооперированных индивидов, которые могут составлять, на самом деле, значительную часть населения района. К тому же, в обоих случаях речь идет все же о районах мегаполисов с разнообразным функционалом. Про индустриальные имиджи из прошлого как объединяющий момент все-таки более корректно было бы говорить по отношению к моногородам. Районы больших городов всегда имеют более разнообразную семантику, и, соответственно, коллективное воображение. Конечно, есть люди, для которых индустриальное прошлое района значимо, но значимо «в том числе», наряду с другими особенностями. В этом смысле, представляется, что мотивы постиндустриальной ностальгии в исследовании несколько преувеличены, тем более, что в одном из кейсов главным промышленным объектом района была железная дорога с узловой станцией — по определению фрагмент чего-то большего, чего-то, скорее, соединяющего с большим миром, чем обособливающего.

В этом отношении мне особенно интересно было читать фрагменты интервью с молодыми жителями районов. Насколько передаются новым поколениям пространственные представления их родителей, что они для них значат, какими смыслами они их насыщают? Об этом хотелось бы почитать побольше. И, продолжая эту мысль: не стоит ли более четко разграничить «чувство места» (*sense of place*) в смысле социальной стратификации, своего «места в обществе» и в буквальном материальном смысле? Учитывая, что в таком месте, как деиндустриализиро-

ванный район мегаполиса, могут жить бок о бок люди с очень разным социальным профилем.

А. Ваньке вполне сознательно уходит от четкого классового обозначения социальных позиций своих информантов, объединяя их в группу «простых людей» — таково их самоопределение, которым пользуются и другие исследователи, как, например, Карин Клеман [Клеман, 2021]. Это позволяет не привязываться к сложной сетке современных низко- и среднеквалифицированных профессий, но вызывает другие вопросы. «Простые люди» с очевидностью противопоставляются другим, «непростым», и тогда важно понять, чем отличаются друг от друга активные и творческие аспекты их коллективного воображения, которые служат предметом исследования автора — не с точки зрения содержания, здесь различия понятны, а с точки зрения именно «структуры чувства»? Автор подчеркивает критическую направленность коллективного воображения «простых людей», их недовольства своим положением, но ведь представители среднего класса тоже могут мыслить критично, и считать, что жизнь устроена несправедливо.

Ну, и здесь напрашивается все-таки более содержательное раскрытие смысла понятия «неолиберализм», которое встречается в книге очень часто, чуть ли не в каждом абзаце. Оно не вызывает вопросов как политический ярлык, описывающий в общих чертах функционирование конкретного общества, но для целей научного исследования важно понять, как конкретно он работает в данном контексте, насколько точно описывает положение жителей (бывших) рабочих районов, как соотносится с их собственной картиной мира. В этом смысле мне кажутся очень интересными размышления автора о становлении класса в процессе классовой борьбы. По сути, речь идет о пересборке классовой структуры общества в современных реалиях, когда традиционные представления о классах перестают работать как четко определённые категории.

И вот, в порядке полемики о том, какие активности следует считать классово предзаданными, хочется задать автору вопрос, насколько все-таки коммунальная деятельность по обихаживанию жилого и прилегающего общего простран-

ства является действительно формой сопротивления и реализацией классового воображения? Разве не занимаются аналогичными активностями жители вполне благополучных районов, кондоминиумов? Да, их эстетические вкусы могут отличаться, но посадить цветочки на газоне — точно ли классовая активность? И действительно ли буквально каждый повседневный жест «простого человека»: участие в выставке ремесел, сидение на лавочке с друзьями и т. п. — является актом обретения контроля и сопротивления? Я не отрицаю здесь эти тезисы автора, но они нуждаются в дальнейшем уточнении. Например, как ведут себя выходцы из этих рабочих районов, если они куда-то переезжают: продолжают воспроизводить привычные практики, или они осуществляются только в этой среде? И как все-таки работают классовые различия внутри района — интересно было бы больше узнать, вовлекаются ли в эти занятия люди с другим социальным профилем, и если да, то относятся ли и к ним тоже понятия «борьба» и «сопротивление»?

Автор монографии как будто и дает представление о восприятии рабочих и простых людей извне, но оно выглядит как исключительно неблагоприятное: описание символического шельмования рабочих публичными интеллектуалами за политическую инертность, однако эти выступления выглядят как единичные, и вряд ли вообще привлекли внимание самих представителей непривилегированных групп — это разные «информационные пузыри», и вообще, представления о символическом принижении именно рабочих в 2010–20-е годы кажется несколько преувеличенным. Более интересно было бы понять, как современные рабочие сами позиционируют себя не на абстрактной картинке иерархического общественного устройства, а в реальном социальном пространстве: как они относятся, например, к своим более благополучным соседям по району? На этот вопрос монография определенного ответа не дает. И если говорить о публичной репрезентации, с точки зрения автора, произошел определенный сдвиг в описании рабочих от «бесполезных» к «трудолюбивым», т. е. более позитивному описанию. Но все эти описания существуют в контексте, и неясно, идет ли здесь речь об одной и той же страте рабочих.

Вообще при всех трудностях современного описания классовой стратификации и иерархии, хотелось бы все

же большей определенности в этом вопросе. В монографии определения «простые», «обычные» и «бедные люди» фигурируют практически как синонимы, и понятно, что автор здесь опирается на язык самоописания представителей этих групп. Но для анализа самоописания недостаточно, потому что «простыми людьми» могут считать себя и предприниматели, понятие «простоты» имеет широкую семантику и может противопоставляться как «влиятельности», так и неоправданной сложности — претенциозности, например, божественности, или принадлежности к субкультурам. Тем более, «обычными людьми», обывателями, вполне могут считать и называть себя и представители среднего класса, и это вовсе не равнозначно «бедности». Кстати, среди негативных и несправедливых аспектов жизни «простых и обычных людей» в монографии упоминается и неоправданный отказ в европейских визах из-за санкций — и в этом случае о бедности совсем уже сложно говорить. Таким образом, группа, являющаяся предметом исследования и описанная своими собственными терминами, выглядит уж очень неопределенной и аморфной.

Однако все эти вопросы, сомнения и комментарии никак не умаляют достоинств книги, скорее, это приглашение к продолжению исследования, причем даже и потенциал уже проделанной огромной работы кажется не до конца исчерпанным. Но что поделать, любая монография имеет свои границы... Хотелось бы, чтобы автор не оставляла эту увлекательную тему, и чтобы продолжение следовало.

Литература

1. *Lamont, M.* The dignity of working men: Morality and the boundaries of race, class, and immigration. Harvard: Harvard University Press, 2000.
2. *Sayer, A.* The moral significance of class. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
3. *Skeggs, B.* Formations of class and gender: Becoming respectable. London: Sage, 1997.
4. *Клеман, К.* Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» М.: Изд-во НЛО, 2021.